

Научная статья

УДК 94

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.9>

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ НА ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРАХ В 1935 И 1938 ГОДАХ В ПОЛЬШЕ (ПО АРХИВНЫМ ДОКУМЕНТАМ)

Игорь Константинович Ким

Волгоградский государственный социально-педагогический университет (д. 27, пр-т. Ленина, Волгоград, 400066, Российская Федерация)
Кандидат исторических наук, доцент
kokes@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0002-3798-4640>

Аннотация. Введение. В отечественной и зарубежной историографии отсутствуют исследования, посвящённые парламентским выборам в период действия апрельской конституции в Польше (1935 – 1939 гг.) и деятельности властей в их ходе. **Материалы и методы.** Исследование носит междисциплинарный характер, используются методы исторической науки и близких к ней наук. Оно опирается на архивные материалы – документы государственных институтов в период выборов. **Анализ.** Исследуется злоупотребления властей в ходе предвыборных кампаний, во время самого избирательного акта и при определении результатов парламентских выборов 1935 и 1938 гг. в Польше. Центральные власти нацеливали нижестоящие на достижение выгодного для себя результата любой ценой, что те исполняли. **Результаты.** Проведенное исследование позволяет утверждать о разнообразных злоупотреблениях государственных институтов в выборах 1935 и 1938 гг., особенно последних.

Главный показатель успешности – высокая явка на выборах в сейм не была достигнута в 1935 году и была значительно более высокой в 1938 г. Частично это было достигнуто с помощью нарушений закона.

Ключевые слова: Польша, режим санации в Польше, апрельская конституция и избирательные законы, парламентские выборы

Для цитирования: Ким И. К. Злоупотребления властей на парламентских выборах в 1935 и 1938 годах в Польше (по архивным документам) // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11 (1). С. 85–96. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.9>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 23.09.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 30.11.2023.

Статья принята к публикации: 25.12.2023.

Research article

MISUSE OF AUTHORITY IN PARLIAMENTARY ELECTIONS IN 1935 AND 1938 IN POLAND (ACCORDING TO ARCHIVAL DOCUMENTS)

Igor K. Kim

Volgograd State Socio-Pedagogical University (27, Lenin Avenue, Volgograd, 400066, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Associate Professor
kokes@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0002-3798-4640>

Abstract. Introduction. In domestic and foreign historiography, there are no studies on the parliamentary elections during the period of the April constitution in Poland (1935-1939) and the activities of the authorities in their course. **Materials and Methods.** The study is interdisciplinary in nature. It employs the methods of historical science and related sciences. It is based on archival materials - documents of state institutions during the election period. **Analysis.** The misuse of authority during the election campaigns, the electoral act itself and in determining the results of the parliamentary elections of 1935 and 1938 in Poland are investigated. Central authorities gave directions to the lower ones in order to achieve a beneficial result for themselves at any cost. **Results.** The research shows various misuses of authority on the part of state institutions in the elections of 1935 and 1938, especially the latter. The main indicator of success - high turnout

in the elections to the Sejm - was not achieved in 1935 and was significantly higher in 1938. This was achieved in part through violations of the law.

Keywords: Poland, sanacja regime in Poland, April constitution and electoral laws, parliamentary elections

For citation: Kim I.K. Misuse of authority in parliamentary elections in 1935 and 1938 in Poland (according to archival documents). *Humanities and law research*. 2024;11(1):85-96. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.9>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 23.09.2023.

The article was approved after reviewing: 30.11.2023.

The article was accepted for publication: 25.12.2023.

Введение / Introduction. 1935 г. знаменовал собой начало последнего этапа истории межвоенной Польши и одновременно последний период существования режима санации, установленного после майского переворота 1926 г. Ю. Пилсудским. В апреле 1935 г. была принята новая конституция, в июле – законы о выборах в парламент. В мае ушёл из жизни сам создатель санационного режима, а осе-

нию были проведены парламентские выборы по новому избирательному законодательству. По нему накануне войны были проведены и последние в межвоенной Польше парламентские выборы в 1938 г. Правящая группировка стремилась всеми законными и незаконными способами победить на выборах, чтобы закрепить своё доминирующее положение в политической жизни страны.

В отечественной историографии последним выбором периода режима санации, а тем более сюжетам, представляющим злоупотребления властей разных уровней в их ходе, уделялось крайне мало внимания. Академическая «История Польши» в третьем томе кратко описала итоги выборов, подчёркивая фальсификацию их в 1935 г., террор и влияние участия Польши в Мюнхенском кризисе в 1938 г. [2, с. 395, 437-438]. Примерно таким же образом выборы были представлены в «Краткой истории Польши» [8, с. 285-286, 290]. Несколько больше, но в целом кратко, результаты выборов были представлены в издании «Польша в XX веке» [10, с. 222, 233]. Отсутствуют специальные исследования по выборам 1935 и 1938 гг. и в польской историографии.

Автор данного исследования неоднократно затрагивал проблемы выборов 1935 и 1938 гг. в монографии [6] и отдельных статьях [3, 7] выделял особенности этих выборов в отдельных регионах [4, 5, 19-21], частично касался проблемы злоупотреблений на выборах 1938 года [18]. До настоящего времени нет исследований, которые были бы посвящены злоупотреблениям властей на выборах в Польше в период действия апрельской конституции (1935 – 1939 гг.).

Материалы и методы / *Materials and methods.* Исследование опирается на междисциплинарный подход с использованием методов исторической науки и близких к ней наук. Основными источниками были архивные материалы, находящиеся в архивах Польши, Украины и Беларуси. К ним относились документы государственных институтов Польши разного уровня (высших властей, воеводств, повятов, гмин), документы проправительственных организаций, избирательных институтов, а также протесты кандидатов и их доверенных лиц на ход и результаты выборов.

Анализ / *Analysis.* Конституция, вступившая в силу 14 апреля 1935 г., существенно меняла правовые основы государства по сравнению с парламентско-демократической мартовской конституцией 1921 г. Новая конституция провозглашала солидаристскую формулу: «Польское государство является общим благом всех граждан». Ключевой фигурой в государстве становился президент, который нес ответственность «перед Богом и историей за судьбы Государства», в его особе сосредотачивалась «единая и неделимая государственная власть» и под его верховенством находились прочие институты государства. Увеличивались полномочия правитель-

ства и существенно ограничивались полномочия парламента и особенно сейма, которому теперь не принадлежали «функции управления государством». Государство должно было обеспечить «свободу совести, слова и объединений», которые ограничивались формулой: «Ценностью усилий и заслуг гражданина в пользу всеобщего блага будут измеряться его полномочия влиять на политические дела» [16, roz. 227].

Апрельская конституция обозначила принципы избирательного права, а сами законы о выборах были приняты за неделю до объявления новых парламентских выборов. Закон о выборах в сейм предусматривал в палате 208 депутатов, избравшихся в 104 двухмандатных округах. Повышался возраст получения избирательного права – активного до 24 лет, пассивного – до 30 лет. Наиболее существенным изменением в процедуре выборов было введение единого списка кандидатов для каждого округа (вместо партийных списков) и утверждение его на окружном избирательном собрании представителями самоуправления и общественных организаций. Избиратель мог отдать голос за одного или двух кандидатов (в списке их должно быть не менее четырёх), незаполненный бюллетень трактовался как то, что избиратель проголосовал за первых двух кандидатов списка [16, roz. 319]. Закон о выборах в сенат устанавливал его состав в 96 человек, треть которых назначал президент, а остальные избирались посредством двухступенчатых выборов избиратели, достигшие 30 лет, но только те, кто имел правительственные награды, высшее и среднее профессиональное образование, офицерские звание и некоторые другие [16, roz. 320]. Общую характеристику законам давал польский исследователь А. Айненкель: «Оба закона представляли собой концепцию, выраженную в апрельской конституции. Оба были сконструированы так, чтобы обеспечить правящему лагерю удержание власти» [13, s. 227].

Общее для выборов 1935 и 1938 гг. было: стремление правящей группировки добиться на них решительной победы, что обусловило значительную роль административного фактора в обеспечении нужного для властей результата различными, в том числе и незаконными методами, бойкот оппозицией этих выборов. Последнее обстоятельство позволяло трактовать их как плебисцит по вопросу одобрения обществом политики правящей группировки и тем самым правомерности нахождения её у власти.

В то же время у выборов имелись особенности. Выборы сентября 1935 г. проводились в условиях ослабления правящего лагеря санации в связи со смертью Ю. Пилсудского и распадом проправительственного Беспартийного блока сотрудничества с правительством (ББВР), решительного бойкота выборов польской оппозицией и ограниченных возможностей властей противодействовать ей и воздействовать на общество. Выборы ноября 1938 г. проводились в иных условиях: доминировал внешний фактор – Мюнхен и его последствия, включая участие Польши в разделе Чехословакии, была достигнута консолидация большей части лагеря санации в новой проправительственной организации – Лагерь национального объединения (ОЗН), выказывавшей тоталитарные тенденции, укрепление правящей группировки способствовало жёсткому противодействию властей акции оппозиции по бойкоту выборов и большему их воздействию на общество.

Отличия в возможностях высших властей и их готовности победить на выборах 1938 г. по сравнению с предыдущими иллюстрирует откровенное выступление Львовского воеводы А. Билыка на съезде старост (глав нижестоящих административных единиц – повятов) воеводства 21 сентября. Представляя «взгляды и распоряжения на тему выборов» воевода ссылался на президента И. Мосьцицкого, маршала Э. Рыдз-Смиглого и премьера Ф. С. Складковского, подчеркнув, что законодательные органы, сформированные в 1935 г., «не отражали мысли и убеждения общ[ественного] мнения». Польские же оппозиционные партии не представляют польских государственных интересов и их усилия в направлении «узурпации себе права представительства... должны встретиться с борьбой бескомпромиссной, абсолютной и безжалостной». «Политические моменты, внутреннее положение, как и внешнеполитическая ситуация были причиной объявления новых выборов», – делал вывод выступавший. Была изложена позиция верховных властей в отношении выборов: «Циркуляр Пана Президента о чистоте выборов в органы самоуправления, которые должны быть чистыми, без давления не касается парламентских выборов». Исходя из сказанного, были представлены цели высших властей в выборах: «Пожеланием правительства является необходимость выигрыша этих выборов. Эти выборы должны быть выиграны, поскольку этого требует интересы нации, интересы Государства. Старосты, у

которых имеются на этом фоне сомнения и которые чувствуют, что не сумеют работать в соответствии с этим принципом, должны объявить об этом и уйти. Обязанностью является дать Пану Президенту такой сейм, с которым он мог бы гармонично сотрудничать. Мы не допустим того, чтобы будущий сейм был подобным нынешнему. Волей Пана Президента и Пана Маршала является, что выборы должны быть выиграны, что из выборов должен выйти сейм и сенат с большинством ОЗН». Именно такой результат выборов, по мнению выступавшего, обеспечит «спокойствие в Государстве, усилит позиции государственных верхов». «...Выборы в законодательные органы должны быть проведены под углом их успеха, и в реализации этой цели Панове могут использовать все средства и методы; эти выборы должны быть чистыми по отношению к Государству. Никто не будет привлечён к ответственности за следование этим указаниям. Выборы являются службой Государству» [11, арк. 2-5], – заключал свою речь Львовский воевода. Тем самым, высшие власти нацеливали местную администрацию на использование злоупотреблений, нарушение права и насилие во время предвыборной кампании в целях достижения необходимого им результата выборов.

Избирательные законы давали возможность правящей санационной группировке использовать их в своих интересах, формально не нарушая законов. Отсутствие принципа пропорциональности в законе о выборах в сейм приводило к тому, что в нарезанных поновому избирательных округах было неравное количество избирателей. В выборах 1938 г. количество лиц имеющих право голоса в округах колебалось от 57,3 тыс. в округе 45 (Вильно) до 259,0 тыс. в округе 57 (Ковель). Всего в шести избирательных округах этот показатель не превышал 100 тыс. человек в каждом – в округах 45 и 46 (Вильно), 80 и 81 (оба Краков), 93 и 94 (оба Познань). В девятнадцати округах количество избирателей превышало 200 тыс. в каждом, больше всего их было в округах 57, 60 (Кременец), 67 (Коломыя), 66 (Станиславов), 73 (Сокаль) [25]. Такие округа преимущественно были расположены на восточных кресах (Полесское и Волыньское воеводства), Восточной Галиции (Тернопольское, Станиславовское и Львовское воеводства) и пограничье этнически польских земель с кресами (Люблинское и Белостокское воеводства). Именно в таких

округах имели место наибольшее количество злоупотреблений на выборах 1935 и 1938 гг.

Для получения нужного результата власти занимались подбором удобных для себя председателей и членов участковых комиссии, о чём свидетельствуют внутренние документы ББВР 1935 г. В округе 74 (Пшемысль) Львовского воеводства председателями всех участковых комиссий и их заместителями были назначены только члены проправительственного ББВР [13, арк. 1-21]. Для успеха властей на выборах в 1938 г. Львовский воевода А. Билык рекомендовал старостам обратить внимание на состав избирательных комиссии: «Подбор участковых комиссий должен быть таким, чтобы он давал полную гарантию проведения выборов по определённой линии. Подбирать людей на 100% верных и достойных полного доверия. В комиссии не допускать людей ненадёжных, украинцев и евреев» [13, арк. 3-5].

Серьёзные возможности для злоупотреблений властей создавала норма закона засчитывать опущенные незаполненные бюллетени при голосовании в сейм в пользу двух первых кандидатов в списке. Формирование единого (а не партийных) списка по округам ставило оппозиционные партии в зависимость от благоволения им властей, ограничивая их возможности выдвигать собственных кандидатов, что привело бойкоту выборов основными партиями. Выборы в сенат были элитарными, не всеобщими и не прямыми, поэтому не привлекали большого внимания. Избирательное право в верхнюю палату парламента получили в основном лица с проправительственными взглядами. А. Айненкель отмечал, что активное избирательное право имело «всего немногим более чем 2% лиц, ранее имевших право участвовать в выборах в сенат» [6, s. 226-227].

Довольно разнообразными были злоупотребления властей и избирательных институтов, открыто или завуалировано нарушающих законодательство в ходе предвыборной кампании. Прямые злоупотребления начались в 1935 г. в процессе подбора и утверждения удобных властями делегатов на окружные избирательные собрания, которые должны были сформировать списки кандидатов по округам. Власти оказывали давление при выборе делегатов на собрания, о чём сообщалось в письмах премьеру и главе ББВР В. Славеку с мест. Бывший депутат сейма из округа 73 сообщал, что старосты «рекомендовали гминам [общинам] выбрать таких делегатов в окруж-

ные коллегии, которые пойдут им на встречу...» [18, к. 45, 86]. Власти на местах проводили соответствующую работу с избранными делегатами. В отчёте ББВР из округа 55 (Пинск) в 1935 г. сообщалось, что Пинский староста Э. Цедзиньский накануне избирательного собрания на встрече с делегатами его повята «призвал собравшихся солидарно отдать голоса за список кандидатов, одобренных Властями», а также заявил, что «голосование за кандидатов открытое» [22, к. 34, 37], что противоречило закону.

Эта же деятельность велась старостами и в 1938 г. В протесте на выборы из округа 86 (Новы Сонч) утверждалось, что сбор подписей для выдвижения делегатов в собрания «проходил преимущественно по школам и государственным учреждениям в атмосфере некоего морального принуждения, создаваемого для работников этих учреждений» [17, к. 325]. Седлецкий староста в отчёте о выборах писал: «Выборы делегатов в окружное собрание прошли гладко и делегатами выбраны лица заранее установленные Староством» [26, к. 110].

Процесс подбора кандидатов в депутаты сейма в 1935 г. включал следующие этапы: воеводы собирали мнения старост о возможных кандидатах, добавляли к этому списку свои кандидатуры и высылали общий список премьеру и председателю ББВР В. Славеку для одобрения. Эти списки в центре дополнялись кандидатами из Варшавы, которые распределялись по округам (особенно в восточных воеводствах). Задача местных властей заключалась в том, чтобы именно эти утверждённые списки по округам были одобрены избирательными собраниями.

Подбор кандидатов в депутаты сопровождался многочисленными интригами местных властей. В письмах председателю Блока бывший депутат сейма Р. Бурда из округа 74 жаловался на интриги Пшемысльского старосты: последний уверял автора письма, что тот как кандидат «вне конкуренции» и одновременно добился помещения того лишь на третье место в списке кандидатов, а старосты в округе «начали активную кампанию среди делегатов..., и подчинили их суровой дисциплине, чтобы случаем не захотелось им хотя бы очерёдность этих кандидатов на собрании делегатов изменить» [22, к. 53-54]. О том, кто определял кандидатов на территории Новогрудского воеводства ещё до объявления выборов свидетельствует сообщение офицера контрразведки военного округа: «...Новогрудским воеводой и начальником отдела

безопасности Новогрудского во[еводства] ведутся подготовительные работы в сфере поиска кандидатов... ..поиски идут в направлении установления 16 или 18 фамилий, за которых население должно голосовать, речь при этом идёт о том, чтобы кандидаты были надёжными и имели большую популярность» [1, л. 35].

Давление властей на делегатов избирательных собраний имели место и в 1938 г. В Люблинском воеводстве Томашувский староста созвал перед окружным собранием 31 делегата от повята, на котором те «дали обязательство, что ни один из делегатов другого кандидата из Томашувского повята не поддержит». Билгорайский староста сообщал о том, как на собрании протаскивал определённую заранее и непопулярную кандидатуру: «Лишь вследствие отчётливого с моей стороны инспирирования делегатов, удалось склонить их к поддержке на избирательном собрании кандидатуры Кондысара» [26, к. 52, 112-113].

Нарушения права непосредственно в ходе избирательных собраний в 1935 г., как правило, было связано с вмешательством властей в их ход и фиксировалось в отчётах ББВР на восточных креслах. Неудачливый кандидат Р. Бурда из округа 74 жаловался В. Славеку в уже цитированном письме, что во время собрания «заместители старост как делегаты в избирательных коллегиях бдительно следили, чтобы их овечки-делегаты не захотели случаем при голосовании нарушить дисциплину, чтобы голосовали в соответствии с установленным порядком кандидатур». «Нужно было видеть этих бедных мужиков, ходящих по коридорам здания магистрата, которые со стыда готовы были провалиться, оправдываясь передо мной, что как галерные гребцы или пленники вынуждены были вопреки своей совести голосовать за ясного пана», то есть князя Э. Сапегу [21, к. 54-55], – эмоционально добавлял автор письма.

Кроме старост на ход избирательных собраний воздействие оказывали другие представлявшие государственные институты лица. Автор отчёта Блока из округа 53 доносил: «За сценой были размещены полицейские. В зале было несколько сыщиков». При проверке списка присутствующих на собрании в округе 55 «остались у открытых дверей зала всеобщие известные сыщики Следственного Отдела в количестве 4. Во время заседания эти сыщики также ходили по залу» [22, к. 34, 37-39].

Использовались и угрозы, шантаж в отношении неудобных потенциальных кандидатов в депутаты. Некая группа местных проправительственных деятелей угрожала Бжузе из округа 86, что если тот «не снимет своей кандидатуры, то специальной статьёй в «Правде подхальянской» будет подвергнута нападкам его особа. В противном же случае от нападков откажутся» [17, к. 325-326].

Серьёзные нарушения закона имели место при подсчёте голосов за выдвинутых кандидатов на окружных избирательных собраниях. Скандальная ситуация сложилась в 1935 г. в округе 55. Местный руководитель ББВРв отчёте сообщал, что подсчёт голосов посредством оглашения фамилий в бюллетенях на этом заседании проводился трижды и давал разные результаты. После первого подсчёта голосов результат был сходный, как у секретарей, так и у ведущих подсчёт в зале, в соответствии с которым жена старосты, получив 62 голоса, оказалась на четвёртом месте в списке. Избирательный комиссар «ничего не оглашая и не прерывая заседания, забрал избирательные листы и направился на совещание к п[ану] Старосте Цедзыньскому». Вскоре комиссар «вернулся в замешательстве и заявил, подсчёт плохой, что произошли ошибки, и объявил о новом проведении подсчёта». Поскольку второй подсчёт продемонстрировал похожие результаты, то избирательный комиссар, объявил о проведении третьего подсчёта, во время которого он «вследствие нервного состояния заикался, повторял по несколько раз те же самые фамилии, что было причиной отличных результатов в подсчёте секретарей». По его итогам за жену старосты насчитали 85 голосов, и она поднялась на третье место в списке [22, к. 39].

О нарушающих закон методах местных властей с целью добиться требуемого результата голосования во время избирательного акта имеются данные по выборам 1935 и 1938 гг. Местные власти оказывали давление на кандидатов в депутаты, их доверенных лиц и избирателей в ходе выборов. Проправительственный, но нежелаемый местными властями, кандидат из Новогрудского воеводства Г. Шимановский вспоминал о выборах 1935 г.: «После выборов некоторые председатели участковых комиссий рассказывали мне, что во время голосования к ним обращались коменданты местных постов полиции и с глаз на глаз заявляли, что староста говорил им, что правительство только делает вид, что хочет видеть меня в Сейме, а в действительности»

сти желает, чтобы я в выборах не прошёл». Им рекомендовалось после окончания голосования удалить из урны, опущенные туда избирателями бюллетени, и положить «пачку избирательных бюллетеней, на которых моё имя было вычеркнуто». Председатели комиссий отвергли эти предложения, кроме, возможно, одной гмины и там «это мероприятие старосты удалось» [24, s. 231-232]. В документах избирательной комиссии округа 36 (Хелм) в 1935 г. есть свидетельство доверенного лица победившего кандидата Мостовского: в день выборов в 12 часов в избирательный участок прибыл секретарь гмины и комендант полицейского поста, которые проинформировали членов комиссии, «правда, в скрытой форме, что не следует добавлять отметок для кандидата в депутаты п[ана] Ст. Гонсовского» [25, к. 19].

Протесты из двух округов в выборах 1938 г. отмечали попытки подкупа членов избирательных комиссий во время хода выборов. Протест из округа 47 (Вильно-повят) кратко замечал, что имели место попытки подкупить членов одной участковой комиссии, «предлагая им обед с водкой» без сообщения о результатах этой попытки [17, к. 75-76]. На одном же из участков в округе 77 (Санок), согласно протесту, «около 20 часов Председатель Комиссии Габриэль Збегневич пригласил всех членов Комиссии на водку в частную квартиру некоего Кузяна, и комиссия в течение получаса отсутствовала в помещении» избирательного участка [17, к. 152].

Другой протест из этого округа обвинял чиновника повятового староства в Кросно. Тот «заявлял, что за кандидата Пельчарского не следует голосовать, спрашивал «не можно было бы что-то сделать», инструктировал, что следует обязательно устранить доверенное лицо и протокол деятельности комиссии написать in bianco и такой in bianco подписанный протокол доложить до избирательных актов». Староста другого повята, как сообщалось в том же протесте из округа 77, в день голосования прибыл в центр избирательного округа в Санок «с целью забрать из Окружной Избирательной Комиссии избирательные бюллетени, и эти бюллетени фактически забрал» [17, к. 156], что было незаконно.

Протест из округа 68 (Калуш) регистрировал предложения властей местной администрации членам избирательных комиссий фальсифицировать результаты выборов. Накануне выборов вице-староста Рогатинского повята заявил членам участковой комиссии,

что «нужно делать голоса 6/XI1938 г.» Во время голосования на этом участке присутствующий при комиссии солтыс [глава сельской общины – громады] предпринял попытку «договориться по голосам» с членом этой комиссии, на что тот ответил: «...делайте, что сами хотите, и это было сделано» [17, к. 141].

Протесты из трёх округов касались вмешательства местных властей в ход выборов. Протест кандидата в депутаты в округе 47 Таурогиньского констатировал: «В отношении выборов в вышеназванном Округе было в широком масштабе давление со стороны властей государственной администрации, а также массовый террор». В качестве примера приводились действия старосты Свенцянского повята, который выдал рекомендацию «всем нижестоящим властям и органам проведение депутатами из 47 Избирательного Округа двух первых кандидатов» [17, к. 75]. Авторы протеста из округа 30 (Опатов) отмечали, что на территории одного повята кандидат Длугош «использовал во время выборов влияние, которым располагал в самоуправлении» этого повята [17, к. 9].

Члены избирательных комиссий, стражи порядка и представители местных властей во время голосования разными способами воздействовали на волеизъявление избирателей. Протест из округа 82 (Краков-повят) со ссылкой на свидетелей отмечал, что в одном из повятов было восемь случаев принуждения избирателей голосовать за определённых кандидатов. В частности, начальник стражи на одном участке, стоя за ширмой, «каждому из избирателей диктовал, кому тот должен поставить отметку», на другом участке «за ширмой сидела учительница местной школы и всем ставила отметки либо диктовала, за кого должны голосовать», указывая на поддерживаемого властями кандидата Т. Гдулю. Это же на другом участке этого округа делал комендант стражи, вписывая в бюллетенях избирателей отметки в пользу того же кандидата, «несмотря на их протесты», а ещё в одном случае – стражник, который «нес службу в нетрезвом состоянии». Тот же автор протеста сообщал, что на одном из участков округа некий П. Каня «подошёл к столу Избирательной Комиссии и на глазах всех и без протеста Избирательной Комиссии взял более десяти избирательных бюллетеней, вписал на всех них отметки для Гдули и вышел с ними из избирательного участка, со смехом раздавая их входящим избирателям». Как давление на избирателей можно расценивать подсматривание,

за кого избиратели ставят отметки: в одном случае это делал у ширмы чиновник магистрата Хшанува, вероятно, член комиссии, в другом – член избирательной комиссии, который «входил за ширму и подглядывал, как голосуют избиратели». Этот чиновник публично заявил, что «познакомился с содержанием голосов избирателей и громко делился с членами Комиссии своими наблюдениями, какая особа за кого голосовала» [17, к. 244, 246-248].

На 7 участках уговоры и принуждение голосовать за конкретных кандидатов отмечали два протеста из округа 50 (Лида). Члены участковых комиссий и страж порядка кроме агитации за некоторых кандидатов входили или сидели за ширмами и указывали, за кого следует голосовать, что «также сделали доверенному лицу» другого кандидата [17, к. 89].

В округе 47 на одном из участков некоторые члены стражи порядка «писали избирательные бюллетени для женщин», на другом же член избирательной комиссии в присутствии её председателя «вынул из конвертов два приготовленные для того, чтобы бросить в урну, бюллетеня избирателями... с целью ознакомиться с содержанием их голосов». Проигравший в этом округе кандидат подчёркивал в своём протесте, что вследствие давления старосты «органы гминного и громадского самоуправления, также как и функционеры [Государственной] П[олиции] силой вынуждали избирателей к участию в голосовании, с помощью угроз вынуждали к массовому опусканию незаполненных избирательных бюллетеней» [17, к. 73-75]. Пример принуждения избирателей голосовать отмечал протест из округа 68: некий Шолдыск «звал из избирательного участка прохожих и выбегал к ним, и силой вёл их голосовать. Пред[седатель] Изб[ирательной] Ком[иссии] за эти услуги обещал ему хорошую попойку» [17, к. 142].

В трёх протестах доверенных лиц проигравшего кандидата из округа 36 Люблинского воеводства в 1935 г. содержались обвинения членов избирательной комиссии в незаконной агитации, заполнения бюллетеней за избирателей и вмешательства в избирательный акт местных властей. В одном из протестов утверждалось, что «солтыс соответствующей деревни сидел за шторой и заполнял бюллетени». Автор другого протеста утверждал, что солтысы «делали это, имея, вероятно, официальное указание», поскольку войт Никлевский гмины Жмудь велел солтысам влиять на

избирателей, чтобы «голосовали обязательно за Мостовского» [25, к. 6, 10].

О вбросе бюллетеней в урны в выборах 1935 г. упоминал в своих мемуарах лидер СЛ В. Витос. Его однопартиец С. Кот сообщал, ссылаясь на депутата в Вильно, что в Новогрудском воеводстве «вброшено более ста процентов голосов». О вбросах В. Витосу сообщалось также из Познаньского воеводства, Малой Польши, Варшавы [25, s. 87].

В 1938 г. сведений о вбросах бюллетеней в урны, если основываться на протестах, было значительно больше – всего 38 случаев в трёх округах. В округе 82 протест описывал драматическую историю на одном участке. За несколько часов до окончания голосования после отказа доверенного лица одного из кандидатов согласиться на искусственное увеличение явки на выборы «по неизвестным причинам в этот момент погас свет (электрический) и одновременно на избирательном участке возникло искусственное замешательство». Учительница, член комиссии вышла в коридор за керосиновой лампой и когда она «открыла двери, избирательный участок осветила полоса света (в коридоре также был свет, который, однако, не погас) и в этот момент доверенное лицо увидело, что около урны стоит председатель Участковой Комиссии и нервно всовывает большое количество конвертов в урну» [17, к. 273].

В округе 77, вброс бюллетеней регистрировался в протестах в 34 случаях на 33 участках. В 14 случаях не указывалось, какие именно бюллетени (с отметками или без) были вброшены, а в 24 случаях это были незаполненные бюллетени. В Кросненском повете, согласно протесту, «в отдельных участковых комиссиях добавлены бюллетени без обозначения кандидатов». Наибольшее количество случаев вброса незаполненных бюллетеней было зарегистрировано в Лескском повете. На одном из таких участков «по официальным результатам голосовало 602 человека, фактически же участие в голосовании приняло 222 человека. Остальные незаполненные бюллетени были вброшены». На другом участке «голосовало по официальным результатам 1604, в то время как фактически отдали голоса 604 избирателя. Из этого следует..., что вброшено 1000 незаполненных избирательных бюллетеней», что было засчитано двум первым в списке кандидатам [17, к. 152-153]. В протесте из округа 30 сообщалось об обнаружении в урне одного участка «89% опущенных незаполненных бюллетеней...» [17, к. 8].

В документах избирательной комиссии округа 54 (Кобрин) имеются данные о наличии в подавляющем большинстве чистых бюллетеней в урнах. В Каширском повете на одном участке из 1190 опущенных бюллетеней 1187 было незаполненными, на другом из 903 – 900; в Косовском повете из 1520 – 1511 [2, л. 165, 188, 203]. В протоколе заседания окружной комиссии округа 55 отмечалось, что на одном участке Лунинецкого повета «опущены все бюллетени чистыми, без отметок», в связи с чем комиссия засчитала по 304 голоса в пользу первых двух в списке кандидатов [3, л. 3 (об.)].

Офицер контрразведки военного округа из Барановичей объяснял своему руководству: в округах 51 (Новогрудек) и 52 (Барановичи) «мужик сам не знал за кого должен голосовать и преимущественно опускал незаполненные бюллетени, будучи уверенным, что таким образом ни за одного кандидата голос не отдал, в то же время, как это было в округе 52, административные власти специально были заинтересованы в этом, и с этой целью они дали специальные директивы войтам, и это для проведения 2-х первых кандидатов» [1, л. 51]. Во всех случаях голосования незаполненными бюллетенями голоса были засчитаны в пользу первых двух кандидатов в списке.

Манипулирование бюллетенями во время выборов включало выдачу избирательных бюллетеней с отметками, что также отражалось в протестах. Доверенное лицо кандидата на участке в округе 49 (Ошмяна) докладывал: «...Некоторые избирательные бюллетени выдавались уже сложенными вчетверо, я заметил в этих бюллетенях отметки. Эти бюллетени выдавались до голосования преимущественно женщинам и старикам» [17, к. 137]. В округе 82 «до начала голосования перед избирательным участком раздавались избирательные бюллетени, снабжённые печатью Окружной Избирательной Комиссии с проставленными отметками у фамилии кандидата Гдули» [17, к. 248].

Для повышения явки на выборы в ходе избирательного акта участковые комиссии разрешали голосовать в 1938 г. с нарушением закона, о чём 15 раз сообщали протесты из семи округов. Протест из округа 68 отмечал 4 случая голосования за других лиц. Заместитель председателя одной из участковых комиссий в этом округе заявил, что такое голосование возможно «если будет полномочия от данного лица», но разрешалось на этом участке «голосовать даже без каких-то полно-

мочий». Председатель избирательной комиссии другого участка этого же округа «принимал оптом избирательные бюллетени» за два дня до выборов [17, к. 141-142]. На нескольких участках округа 86, по данным автора протеста, «значительное количество избирателей голосовали через уполномоченных, а не лично» [17, к. 333]. В протесте в округе 50 говорилось, что на одном из участков члены избирательной комиссии раздавали избирателям бюллетени, не стремясь установить «действительно ли вызванный избиратель присутствовал либо кто-то другой за вызванного отвечал» [17, к. 99]. На участке в округе 77 председатель комиссии «вручая избирателям избирательные бюллетени давал им также дополнительный конверт, в котором находился избирательный бюллетень» [17, к. 152].

В трёх округах выявлено в протестах участие голосование лиц, не имеющих на это право. В протесте из округа 47 утверждалось: «Во многих случаях допускались к участию в голосовании лица, не фигурирующие в списках избирателей» [17, к. 75]. Подобным же образом в округе 82 участковая комиссия допустила «трёх избирателей к голосованию, которые не были помещены в списки избирателей» [17, к. 239]. На одном участке округа 86 в протесте содержалось обвинение, что «за два дня до голосования... самовольно составлен «дополнительный список» избирателей, содержащий более 400 фамилий», который, по мнению автора протеста, был недействителен [17, к. 332]. В протесте в округе 68 было отмечено, что «умершая также отдала свой голос...» [17, к. 143], а в округе 48 (Глембоке) «отдали свои голоса люди, которые в период между голосованием и составлением избирательных списков умерли» [17, к. 128].

В округах 30 и 50 было зарегистрировано 3 случая невнесения отметок в избирательные списки о получении избирателями бюллетеней. На одном участке округа 50 члены комиссии «раздавали избирателям избирательные бюллетени без предварительной проверки их права голосовать» [17, к. 93]. На другом участке округа председатель комиссии принимал отдаваемые избирателями конверты с бюллетенями и, «бросая в урну отданный избирателем голос, не старался, а, впрочем, совсем не имел возможности утверждать был ли избиратель, отдающий голос, отмечен в списке или вообще в нём не фигурирует». Вследствие таких действий один избиратель голосовал два раза, поскольку его голосование в первый раз не было документировано [17,

к. 99]. На двух участках округа 30 «совершенно не отмечались в списках избирателей лица, которые принимали участие в голосовании». На другом участке, согласно протесту «80 % отметок голосующих в списках избирателей сделаны значками, поставленными поспешно» [17, к. 7-8].

Наиболее часто встречающимся в протестах по выборам 1938 г. обвинением было противоречащая закону агитация во время избирательного акта в пользу кандидатов, поддерживаемых властями – 25 случаев в 4 округах. Рекордное количество упоминаний о такой агитации содержится в протестах из округа 50 – всего 11 на 10 участках. Например, вице-председатель одной из комиссии «всё время голосования агитировал избирателей на избирательном участке или же перед участком, указывая на кандидатов, за которых избиратели должны отдать голоса» [17, к. 82]. О 8 случаях таких действий сообщал протест из округа 82, где агитацией занимались на 6 участках председатели и члены избирательных комиссий, страж порядка и другие лица. В округе 47 кандидат в депутаты утверждал в своём протесте, что на территории округа «на избирательных участках проводилась оживлённая предвыборная агитация стражей порядка» за одного из кандидатов [17, к. 75], четыре доверенных лица писали о том же самом на 4 отдельных участках.

Группа обвинений в ходе избирательного акта 1938 г. касалась незаконных действий по отношению к доверенным лицам неугодных властям кандидатов. Чаще всего имело место недопущение или удаление с избирательного участка доверенных лиц – в четырёх округах было зарегистрировано, по крайней мере, 36 таких случаев. На участке в округе 50 протесты доверенных лиц против незаконной агитации привели к тому, что один из них «был силой стрельцами [охранниками] выставлен из избирательного участка...» [17, к. 83] На шести участках удалялись доверенные лица в округе 77: «Доверенное лицо кандидата в депутаты Войцеха Пельчарского удалено с избирательного участка» в тот самый момент, когда члены участковой комиссии покидали избирательный участок, приняв приглашение прийти в частную квартиру на водку...» [17, к. 152] На шести избирательных участках Хшанувского повята округа 82, как правило, не искали причин для удаления доверенных лиц доверенных лиц кандидата К. Туровского: были ссылки, в частности, на приказ или требование по телефону из староства. На одном участке повята дове-

ренное лицо «силой удалил» начальник городской стражи Явожно, заявляя, что «доверенные лица кандидата Туровского являются симулянтами» [17, к. 246].

По отношению к неуступчивым доверенным лицам использовались угрозы и насилие. Кандидат из округа 47 в своём протесте обобщал: «...В отношении к моим доверенным лицам были в широкой мере использованы административные преследования, которые преследовали цель не дать им возможность контролировать избирательный акт...» [17, к. 76] В ответ на замечание доверенного лица из округа 49, что урна открывалась во время голосования, председатель комиссии сказал: «Я пана сейчас выпровожу и лишу полномочий, поскольку пан мешает работать» [17, к. 137]. Доверенное лицо из округа 82 «перед отчётливо враждебным отношением к его личности членов Избирательной Комиссии... покинул участок» [17, к. 243].

После завершения акта голосования участковыми комиссиями составлялись протоколы, которые затем направлялись в окружные комиссии. Впоследних поправлялись ошибки подсчёта голосов в протоколах участковых комиссий, включая арифметические. Эти поправки на ряде участков в выборах 1938 г. возбуждают подозрения. Например, в округе 54 «как очевидную ошибку» было исправлено количество действительных голосов с 1154 до 2307 на одном участке, в других случаях – с 1251 на 2345, 739 на 1478 или 821 на 1560 [2, л. 126, 127 (об.)]. В округе 74 в протоколе избирательной комиссии также есть подозрительные поправки, особенно в Яворовском повяте: 373 исправлено на 744, 575 – на 1150 или же 740 – на 1474 [13, арк. 25].

Окружные комиссии рассматривали замечания по процедуре проведения выборов. В частности, в округе 35 два доверенных лица проигравшего кандидата представили в комиссию замечания об использовании участковой комиссией конвертов для бюллетеней без печатей окружной комиссии, прося признать недействительными результаты голосования на этом участке. Комиссия округа 35, как свидетельствует протокол её заседания, эти и другие замечания «относительно якобы имевших место неправомерных действий во время голосования» на двух участках округа «единогласно признала несущественными» [24, к. 159-160, 164]. В конце заседания окружных комиссий окончательно были подсчитаны голоса, составлены сводки голосования и признаны получившими депутатские мандаты

те по два кандидата в каждом округе, кто получили больше всего голосов и не менее, чем по 10 тыс. в округе.

Официальные результаты выборов 1938 г. в сейм и сенат сообщались в «Мониторе польском» от 18 ноября. По официальным результатам в выборах в сейм 6 ноября приняли участие 67,1% избирателей, имеющих право голоса, что, несомненно, было довольно высоким показателем. Наибольший процент голосующих был в воеводствах Силезском (83,4%) и Тернопольском (82,6%), несколько более низким был этот показатель в Белостокском (76,6%), Волинском (74,9%), Полесском (74,3%), самый низкий же – в Краковском (47,8%), а также в Варшаве (54,7%) и Лодзинском (59,7%) [33, s. 355; 36]. Около 30 % избранных и назначенных сенаторов в 1938 г. вновь получили мандаты верхней палаты парламента [12, s. 385], две трети их представляли проправительственный ОЗН.

Результаты / Results. Выборы в Польше периода действия апрельской конституции дали разные результаты. Это, прежде всего, было обусловлено разными условиями, при

которых они проводились. Эти условия решающим образом повлияли на характер и масштабы злоупотреблений государственных институтов для получения нужных режиму результатов. Неблагоприятные условия проведения выборов 1935 г. ограничили возможности властей, в том числе в использовании злоупотреблений, и дали дискредитирующие для санации результаты. Более благоприятные внутренние и внешние условия в 1938 г. позволили властям активно прибегать к злоупотреблениям и среди прочего обеспечили приемлемые для них результаты. Высшие власти давали директивы относительно желательных результатов на выборах, прежде всего по показателю явки, косвенно поощряя на нарушения нижестоящие власти для достижения цели. Воеводские власти транслировали волю верховных властей на уровень повятов и их главы, старосты в меру сил и способностей стремились своими действиями следовать этим указаниям, обеспечивая, нередко с нарушением закона, требуемые результаты.

Литература

1. Государственный архив Брестской области (Беларусь, Брест) (далее – ГАБО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 2085.
2. ГАБО. Ф. 493. Оп. 6. Д. 3.
3. ГАБО. Ф. 493. Оп. 7. Д. 11.
4. История Польши. Т. III / Под ред. Ф. Г. Зуева и др. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1958. 668 с.
5. Ким И. К. Лагерь «санации» и парламентские выборы 1938 г. в Польше // Советское славяноведение. 1986. № 6. С. 31-42.
6. Ким И. К. Парламентские выборы 1935 года в Полесском воеводстве // Гістарычная брама. Гісторыя і культура Палесся. 2009. № 1 (24). С. 42–51.
7. Ким И. К. Парламентские выборы 1935 г. в Волинском воеводстве // Волинь і волиняни у Другій світовій війні: зб. наук. пр. за матеріалами I Міжнар. наук.-практ. конф., присвяч. подіям Другої світової війни на території Волин. обл. / упоряд. М. М. Кучерепа. Луцьк, 2012. С. 54–60.
8. Ким И. К. Политическая борьба в Польше накануне Второй мировой войны (1936-1939). Волгоград: ООО «Изд-во Волгоград», 2003. 164 с.
9. Ким И. К. Санационные власти в парламентских выборах 1935 года в Польше // Славяноведение. № 5, 2011. С. 3–13.
10. Краткая история Польши с древнейших времен до наших дней. М.: Наука, 1993. 529 с.
11. Львовський обласний державний архів (Україна, Львів). Ф. 1, оп. 58, спр. 5131. [Львовский областной государственный архив (Украина, Львов). Ф. 1, оп. 58, спр. 5131.].
12. Польша в XX веке. Очерки политической истории / Отв. ред. А.Ф. Носкова. М.: Издательство «Индрик», 2012. 952 с.
13. Центральний державний історичний архів України (Україна, Львів) (далее – ЦДІА). Ф. 521. Оп. 1. Спр. 5. [Центральный Государственный исторический архив Украины (Украина, Львов) (далее – ЦДИА). Ф. 521. Оп. 1. Спр. 5.].
14. ЦДІА. Ф. 521. Оп. 1. Спр. 24.
15. Ajnenkiel A. Parlamentaryzm w II Rzeczypospolitej. Warszawa, 1975. 412 s. [Айненкиель А. Парламентаризм во Второй Польской республике. Варшава, 1975. 412 с.].
16. Ajnenkiel A. Konstytucje polskie w rozwoju dziejowym. 1791-1997. Warszawa, 2001. 424 s. [Айненкиель А. Польские конституции в историческом развитии. 1791-1997. Варшава, 2001. 424 с.].
17. Archiwum Akt Nowych (Polska, Warszawa) (далее – ААН). Zesp. 5, sygn. 129. [Архив актов новых (Польша, Варшава) (далее – ААН). Гр. 5, с. 129.].
18. ААН. Zesp. 8, cz. V, sygn. 3-21. [ААН. Гр. 8, ч. V, с. 3-21].

19. AAN. Zesp. 40, sygn. 39. [AAN. Gr. 40, c. 39].
20. AAN. Zesp. 40, sygn. 42. [AAN. Gr. 40, c. 42].
21. AAN. Zesp. 62, sygn. 39. [AAN. Gr. 62, c. 39].
22. AAN. Zesp. 62, sygn. 40. [AAN. Gr. 62, c. 40].
23. AAN. Zesp. 62, sygn. 42. [AAN. Gr. 62, c. 42].
24. Archiwum Państwowy w Lublinie (Polska, Lublin) (далее – APL). Zesp. 403, sygn. 117. [Государственный архив в Люблине (Польша, Люблин) (далее – APL). Gr. 403, c. 117.].
25. APL. Zesp. 403, sygn. 124. [APL. Gr. 403, c. 124.].
26. APL. Zesp. 403, sygn. 146. [APL. Gr. 403, c. 146.].
27. Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. Nr 47. 1935. [Вестник законов Республики Польша. № 47. 1935 г.]
28. Gazeta Polska. 08.11.1938. [Польская Газета. 08.11.1938.].
29. Kim I. Nadużycia prawa podczas kampanii wyborczej i wyborów do Sejmu w 1938 roku. Analiza protestów wyborczych // Czasopismo Prawno-Historyczne. Tom LVII. Zeszyt. 1. 2005. S. 257–281. [Ким И. Злоупотребления законом во время избирательной кампании и выборов в Сейм 1938 года. Анализ протестов избирателей // Юридически-исторический журнал. Том LVII. Львов. Тетрадь 1. 2005. С. 257–281.]
30. Kim I. Działania władz administracyjnych województwa lubelskiego podczas wyborów parlamentarnych 1935 i 1938 roku // Z dziejów regionów Europy Środkowo-Wschodniej w XIX i XX w. Rzeszów: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2008. S. 262–274. [Ким И. Действия административных властей Люблинского воеводства во время парламентских выборов 1935 и 1938 годов // Из истории регионов Центральной и Восточной Европы в XIX и XX веках. Жешува: Издательство Жешувского университета, 2008. С. 262–274.]
31. Kim I. Wybory parlamentarne na Rzeszowszczyźnie w 1935 roku // Historia i dziedzictwo regionów w Europie Środkowo-Wschodniej w XIX i XX w. Rzeszów: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2011. S. 520–536. [Ким И. Парламентские выборы в Жешувском крае в 1935 году // История и наследие регионов Европы. Центрально-Восточный регион в XIX и XX веках. Жешува: Издательство Жешувского университета, 2011. С. 520–536.]
32. Kim I. Obóz proryządowy w wyborach parlamentarnych lat 1935 i 1938 we Lwowie // Львів: місто – суспільство – культура: Збірник наукових праць Львів: Львівський національний університет імені Івана Франка, 2012. Том 8. Частина 1: Влада і суспільство. С. 163–170. [Ким И. Проправительственный лагерь на парламентских выборах 1935 и 1938 годов во Львове // Львов: город – общество – культура: Сборник научных работ. Львов: Львовский национальный университет имени Ивана Франко, 2012. Том 8. Часть 1: Власть и общество. С. 163–170.]
33. Mały Rocznik Statystyczny. Warszawa, 1939. XXXII, 424 s. [Малый статистический ежегодник. Варшава, 1939 г. XXXII, 424 с.]
34. Monitor Polski. 10.09.1935.
35. Monitor Polski. 24.09.1938.
36. Monitor Polski. 18.11.1938.
37. Szymanowski G. Dwanaście lat – wspomnienia z lat 1927-1939. Toruń: Wydawnictwo A. Marszałka, 1998. 312 s. [Шимановский Г. Двенадцать лет – воспоминания 1927-1939 гг. Торунь: Издательство А. Маршалка, 1998. 312 с.]
38. Witos W. Moja tułaczka w Czechosłowacji. Warszawa: LSW, 1995. 640 s. [Витос В. Мои странствия по Чехословакии. Варшава: LSW, 1995. 640 с.]

References

1. State Archive of the Brest Region (Belarus, Brest) (further – SABR). F. 1. Inv. 1. D. 2085. (In Russ.)
2. SABR. F. 493. Inv. 6. D. 3. (In Russ.)
3. SABR. F. 493. Inv. 7. D. 11. (In Russ.)
4. History of Poland. T. III. Ed. F. G. Zuyev and others. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1958. 668 p. (In Russ.)
5. Kim IK. The “sanacja” camp and the parliamentary elections of 1938 in Poland. *Sovetskoye Slavyanovedeniye*. 1986;6:31-42. (In Russ.)
6. Kim IK. Parliamentary elections of 1935 in Polesie Voivodeship. *Gistarychnaya Brama. History and culture of Palessia*. 2009;1(24):42-51. (In Russ.)
7. Kim IK. Parliamentary elections of 1935 in the Volyn Voivodeship in Volhynia and Volhynians in the Second World War: collection. of science pr. based on the materials of the First International science and practice conf., dedicate events of the Second World War on the territory of Volyn. region / arranged M. M. Kucherepa. Lutsk; 2012. P. 54-60. (In Russ.)
8. Kim IK. Political struggle in Poland on the eve of the Second World War (1936-1939). Volgograd: Volgograd Publishing House; 2003. 164 p. (In Russ.)
9. Kim IK. Sanacja authorities in the parliamentary elections of 1935 in Poland. *Slavyanovedeniye*. 2011;5:3-13. (In Russ.)
10. Brief history of Poland. Moscow: Science; 1993. P. 285-286, 290.

11. Lviv Regional State Archive (Ukraine, Lviv).
12. Poland in the twentieth century. Essays on political history. Rep. ed. A. F. Noskova. Moscow: Publishing house "Indrik", 2012. 952 p.
13. Central State Historical Archive of Ukraine (Ukraine, Lviv) (further – CSHAU). F. 521. Inv. 1. Spr. 5. (In Ukr.)
14. CSHAU. F. 521. Inv. 1. Spr. 24. (In Ukr.)
15. Ajnenkiel A. Parliamentarism in the Second Polish Republic. Warsaw, 1975. 412 p. (In Pol.)
16. Ajnenkiel A. Polish constitutions in historical development. 1791-1997. Warsaw, 2001. 424 p. (In Pol.)
17. Archive of New Records (Poland, Warsaw) (further – AAN). Complex 5, p. 129. (In Pol.)
18. AAN. Complex 8, part V, p. 3-21. (In Pol.)
19. AAN. Complex 40, p. 39. (In Pol.)
20. AAN. Complex 40, p. 42. (In Pol.)
21. AAN. Complex 62, p. 39. (In Pol.)
22. AAN. Complex 62, p. 40. (In Pol.)
23. AAN. Complex 62, p. 42. (In Pol.)
24. State Archives in Lublin (Poland, Lublin) (further – AAN). Complex, p. 117. (In Pol.)
25. APL. Complex 403, p. 124. (In Pol.)
26. APL. Complex 403, p. 146. (In Pol.)
27. Journal of Laws of the Republic of Poland. No. 47. 1935. (In Pol.)
28. Gazeta Polski. 08.11.1938. (In Pol.)
29. Kim I. Abuse of the law during the election campaign and elections to the Sejm in 1938. Analysis of protests election. Legal and Historical Journal. 2005;LVII(1):257-281. (In Pol.)
30. Kim I. Parliamentary elections in the Rzeszów region in 1935 in History and heritage of regions in Central and Eastern Europe in the 19th and 20th centuries. Rzeszów: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego; 2008. P. 262-274. (In Pol.)
31. Kim I. Wybory parlamentarne na Rzeszowszczyźnie w 1935 roku in Historia i dziedzictwo regionów w Europie Środkowo-Wschodniej w XIX i XX w. Rzeszów: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego; 2011. P. 520-536. (In Pol.)
32. Kim I. Pro-government camp in the parliamentary elections of 1935 and 1938 in Lviv in Lviv: city – society – culture: Collection of scientific works. Lviv: Ivan Franko Lviv National University, 2012. Volume 8. Part 1: Government and Society. P. 163-170. (In Pol.)
33. Little Statistical Yearbook. Warsaw; 1939. XXXII, 424 p. (In Pol.)
34. Monitor Polski. 10.09.1935. (In Pol.)
35. Monitor Polski. 24.09.1938. (In Pol.)
36. Monitor Polski. 18.11.1938. (In Pol.)
37. Szymanowski G. Twelve years - memories from 1927-1939. Toruń: A. Marszałek Publishing House, 1998. 312 p. (In Pol.)
38. Witos W. My wandering in Czechoslovakia. Warsaw: LSW. 640 p. (In Pol.)